

Выйдя из Храма Богини Весны, уже была глубокая ночь. Группа постепенно разошлась, каждый направился домой. Сэр Нолан намеренно выбрал более длинный маршрут, проводя Гаррета Нордмарка до улицы недалеко от его собственного дома, прежде чем расстаться.

Гарретт шел один по небольшой улице. Он оглянулся: дома по обе стороны были черными как смоль, лишенными всякого света. Казалось, что все внутри уже легли спать. Время от времени тишину нарушал собачий лай, спорадический и сказочный.

В этом море тьмы Гаррет пытался сопоставить свои воспоминания, пытаясь узнать собственный дом. К сожалению, вокруг было слишком темно, и все дома казались одинаковыми — низкими, узкими, с карнизами почти на расстоянии вытянутой руки. Оглянувшись вокруг, он через некоторое время не заметил дома, похожего на его собственный, и его охватило чувство нетерпения:

«Насколько надежны мои прошлые воспоминания?»

В довершение всего, его желудок выбрал именно этот момент, чтобы громко заворчать.

Гаррет: «...»

Ранее он ужинал, но явно этого было недостаточно. Где в такой час он мог найти что-нибудь поесть?

Хранил ли предыдущий владелец какой-нибудь сухой корм перед патрулированием?

Даже если бы и был, через пару дней черный хлеб все еще был бы съедобен?

Может быть, ему следовало остаться на ночь в казарме? Сможет ли он еще вернуться и постучать в дверь?

В голове Гаррета кружились разные мысли, когда он повернул за угол, и внезапно вспыхнуло яркость. Шагах в тридцати от нас из окна просачивался свет, неяркий, но весьма заметный в крошечной тьме ночи.

Инстинктивно Гаррет направился к этому дому. Через несколько шагов дверь скрипнула, и из нее осторожно вышла стройная женщина с масляной лампой в руках. Заметив неподалеку Гаррета, она оживилась и энергично помахала ему рукой:

«Маленький Гаррет! Ты вернулся! Ужинал? Карен! Эдвард! Маленький Гаррет вернулся!»

Выбежав из дома во главе с дядей Кареном, вперед рванулась группа людей.

Гаррет стоял как вкопанный. Почему-то сердце у него защемило, глаза уже навернулись.

С детства его родители развелись, и мать работала не покладая рук, продавая лапшу по утрам и жидкую кашу по вечерам, изо всех сил пытаясь вырастить его. Изучая медицину, практикуя ее, каждый конец семестра в школе ощущался как сдача вступительных экзаменов. После того, как он начал работать, это была постоянная сверхурочная работа, и ему никогда не хватало времени с матерью. Как только его повысили до заместителя директора в надежде на некоторое облегчение, жизнь изменилась, оставив его тоскующим, но без присмотра в море огней.

До сегодняшнего дня.

«Тётя Ирина...»

Он пробормотал. Женщина уже бросилась к нему, схватила его и огляделась:

«Маленький Гаррет, ты вернулся! С тобой все в порядке? Я так и знал... это было нехорошо! На этот раз, благодаря тебе, даже дядя Карен упомянул об этом, к счастью, ты его спас...»

Говоря это, она втянула его в дом и подвела к столу. С грохотом перед ним приземлилась тарелка сытного мясного супа, кость торчала наружу, доносился дразнящий аромат.

«Тетя Ирэн, я уже обедал!»

Гарретт попытался отказаться. Прежде чем он закончил говорить, его желудок снова заурчал. Смущение залило его лицо; Тётя Ирэн усмехнулась, взъерошив ему волосы:

«Не будь вежливым с тетей. С тех пор, как ты был маленьким, ты так часто обедал у тети, и никогда не видел, чтобы ты уклонялся. Кроме того, ты спас дяде Карен жизнь. Если ты вежлив с тетей, должна ли тетя платить ты на лечение?»

Пока она говорила, она занималась делами по дому. Нарезав несколько кусков хлеба, она сняла с крыши вяленое мясо и отрезала два ломтика. Быстро помещая их возле правой руки Гаррета:

«Юноша, возможность есть — это благословение. Ешь!»

Гарретт неловко ухмыльнулся. Он перестал отказываться, хватая в одну руку хлеб, в другую суп и с удовольствием ест. Тётя Ирен с улыбкой смотрела, как он ест, затем обернулась и прогнала сыновей, как цыплят:

«Иди, иди, иди, иди! Что ты смотришь, иди спать! Дети не вырастут, если не будут спать!»

Двое сыновей дяди Карена были моложе Гаррета: Эдварду было тринадцать, а Дэвиду — десять. Оба мальчика с тоской смотрели на Гаррета, желая перекусить, но не осмеливаясь сопротивляться матери, когда она схватила их и швырнула в спальню.

Гарретт почувствовал себя немного смущенным. Когда он собирался что-то сказать, он почувствовал, как кто-то дергает его за одежду:

«Старший брат Гаррет...»

Гарретт повернулся. Рядом с ним стояла девочка лет пяти-шести, легко одетая и выглядевшая хрупкой. В свете лампы она застенчиво посмотрела на Гаррета, ее лицо было несколько бледным, и она протянула что-то к его рту:

«Брат, поешь...»

Гарретт порылся в своих воспоминаниях и вспомнил ее как младшую дочь дяди Карена, Ави, шести с половиной лет. Гаррет осторожно поднял ее, позволив сесть на ближайший табурет:

«Маленький Ави, зачем ты спустился? Ночью холодно...»

Говоря это, он нежно держал ее поднятую руку, пытаясь опустить ее. Но девочка изогнулась, не желая:

«Брат, ешь!»

«Если брат не ест, ешь ты...»

«Брат спас папу! Брат ешь!»

Ави упорствовала, поднимая руку. Несмотря на все его попытки избежать этого, Гаррет всегда проигрывал решимости маленькой девочки. Он помнил, что девушка была хрупкой, ее лицо бледнело при малейшем напряжении. Гарретт не хотел, чтобы Ави напрягала себя. Беспомощно он обратился к тете Ирэн и пожаловался:

«Тетя, зачем говорить об этом Ави?»

— Конечно, я ей скажу. Тетя Ирэн стояла рядом, с улыбкой наблюдая и даже подняв подбородок, давая Гаррету знак не отказываться. Гаррету ничего не оставалось, как открыть рот, позволяя Ави покормить его.

Как только кончик коснулся его языка, разлилась легкая сладость. Это была солодовая

конфета. В прошлой жизни такая банальная сладость, а здесь редкое лакомство для детей, часто хранимое месяц-два.

"Спасибо..."

Гаррет нежно погладил Ави по волосам. Маленькая девочка ответила улыбкой, но внезапно закашлялась, прижимая себя к груди, ее лицо покраснело. Гаррет колебался, протягивая руку, чтобы похлопать ее по спине, но на полпути его сердце екнуло.

Начало лета, погода потеплела. Девушка выбежала в тапочках. Ее крошечные пальчики на ногах высунулись наружу, а ногти на ногах, предположительно светло-розовые, казалось, потемнели под светом лампы.

Цианоз?!

В сознании Гаррета зазвенел тревожный звоночек. Он протер глаза, не смея поверить, боясь, что увидел не так. Он протянул руку, придвинул масляную лампу поближе, чтобы осветить ноги Ави, внимательно изучая...

Безошибочно, ногти на ногах Ави действительно имели оттенок фиолетового, цианозного!

К этому моменту подбежала тетя Ирен, обняла дочь и нежно похлопала ее по спине. Утешая Ави, она ответила на вопрос Гаррета:

«Все в порядке. Ави просто не любит

двигаться, слаб здоровьем, склонен к кашлю во время сезонных изменений».

Гарретт вздрогнул. Обрывки воспоминаний всплыли на поверхность; Ави с детства всегда была хилой, склонной к утомляемости, кашлявшей во время смены времени года, ростом меньше своих сверстников...

На какое-то время кашель Ави утих, ее покрасневшее лицо постепенно сошло на нет. Гарретт воспользовался возможностью внимательно наблюдать. Губы у нее были розовые, слегка бледные, но без признаков цианоза. Он взял ее за руку, проверяя ногти нежно-розового цвета.

Нижняя часть тела страдает сильнее, чем верхняя. Дифференциальный цианоз.

Сердце Гаррета неудержимо упало. Все признаки указывали на болезнь, о которой он не подозревал, но должен был принять во внимание.

«Не торопись, не торопись, этого может не быть». Гарретт отчаянно успокаивал себя, вынуждая себя улыбнуться: «Тетя Ирен, как вы знаете, я недавно стал целителем. Кашель Ави кажется сильным. Не могли бы вы принести мне трубку, позволить мне послушать ее дыхание?»

<http://tl.rulate.ru/book/106455/3839775>